Эльза-Баир Гучинова

Паломничество как путь к вере: опыт социального конструирования религиозности

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-152-176

Elza-Bair Guchinova

Pilgrimage as a Path to Faith: An Essay on a Social Construction of Religiosity

Elza-Bair Guchinova — Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences; European University at Saint-Petersburg (Elista, Saint-Petersburg, Russia). bairjan@mail.ru

The article is devoted to pilgrimage and represents an anthropological interview with the researcher's comments. The interview was recorded on April 2019, in Elista, at the religious community of the Temple "Golden Abode of Shakyamuni Buddha". The narrative shows how a pilgrimage to India is perceived by Kalmykia's believers as a means of coping with life's hurdles and of searching for its new meaning. A biographical interview illustrates the path to faith — from atheism, through ritual practices in the temple and reading Buddhist literature — to pilgrimage to Dharamsala and "taking refuge" (conversion). The respondent presents her biography using a religious language that is new for her — the interview is rich with Buddhist terms. The story of the pilgrimage shows one's path to faith, in which everything goes in an extraordinary way, and the key word in this narrative is "miracle" which is a tool of verifying faith. In the (post)secular context, belief in miracles is an element of the imagined border that distinguishes practicing, believing Buddhists from those who perceive Buddhism as a cultural tradition only. Another border marker of the pilgrim's habitus is daily practices: morning and evening prayers with beads, stretches, self-control over speech and behavior.

Keywords: Buddhism, pilgrimage, traditionalism, the Dalai Lama XIV, Kalmyks, postsecular Russia, narrative, biographical interview, gender.

Работа выполнена в рамках коллективного проекта РФФИ «Паломничество в постсекулярной России: инфраструктура путешествий и практики производства духовного опыта». Проект РФФИ 19-09-00420.

Паломничество как путь к вере: опыт социального конструирования религиозности

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ интервью редко встречается в литературе как самостоятельный жанр. Обычно в культурной антропологии интервью служит в качестве рабочего материала, но сегодня и полевой дневник, и дискуссии в Фейсбуке в зависимости от исследовательского ракурса могут перерасти свое «служебное» назначение. Я предлагаю для публикации полный текст интервью, поскольку оно настолько информативно, что кажется самодостаточным и может быть использовано коллегами с разных исследовательских перспектив — религиоведческих, гендерных, дискурсивных и др.

Выбор для публикации именно этого нарратива мотивирован достаточно ярким проявлением убеждающей силы паломничества, сокращающего путь к вере даже у недавних атеистов. Это повествование — не только автобиографическая история, но и интеллектуальная биография, отражающая как личный путь к вере, так и фоновое знание духовных практик буддистов в Элисте и Дхарамсале. В то же время запись автобиографического сюжета — не только словесная конструкция, но и социальный поступок[1]. Текст интервью показывает, как от представления, что буддистами рождаются (все калмыки), рассказчица на своем опыте переходит к убеждению, что буддистами становятся, и этот процесс не имеет конца. Процессуальность веры, постоянный самоконтроль ума и поведения, отрефлексированный рассказчицей, — убедительный аргумент социального конструирования религиозности. Рассматриваемый ниже нарратив — это и осмысление биографии новым языком верующего человека, идентичность которого меняется и язык повествования отражает этот процесс.

Моя собеседница — калмычка 57 лет, имеет высшее филологическое образование, пенсионерка. Интервью записано в 2019 г. в Элисте на русском языке, текст согласован с собеседницей, редакции с моей стороны не подвергался, кроме разбивки на разделы. В моем вводном разделе ниже я ввожу читателя в контекст паломничества, а в заключительном — делаю некоторые обобщения.

1. *Лежён Ф.* Сто лет борьбы с автобиографией // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 111.

Современное паломничество в Калмыкии

Паломничество — проверенная временем форма религиозной мобильности, практика путешествия к святым местам монахов и мирян. Паломники из Калмыкии и Бурятии ходили в Лхасу в XVII–XIX вв. и в начале XX в., тогда это путешествие шло сложным маршрутом, занимало полтора-два года и было по силам преимущественно здоровым мужчинам[2].

Направленность к Лхасе отражена и в терминах: паломник (*зуульч* — калм.), паломничество (*зуульчллһн*) происходят от слова «Зу» (тиб. ཇོ་བོ Jo bo) — господин, владыка, объект поклонения, знаменитая статуя Будды в Лхасе в главном храме Джоканг. Этот термин «отражает двойственный смысл в определении паломничества как места назначения и как путешествия»[3]. Если в калмыцкой традиции паломничество было поездкой к большому Будде в Лхасу, то на современной политико-конфессиональной карте условной Лхасой стала Дхарамсала — место резиденции Далай-ламы в Индии. Поэтому калмыцких верующих привлекают в Индии не столько классические маршруты паломничества буддистов, сколько возможность получения учения у Его Святейшества Далай-ламы XIV.

После того как МИД РФ перестал выдавать въездную визу Далай-ламе XIV, с 2004 г. Его Святейшество не посещал Элисту — и российские буддисты остались без возможности встреч со своим духовным лидером на родине, Далай-лама с 2009 г. стал даровать учения специально для россиян, которые проводились в Индии и Латвии. Поездки могли быть групповыми (до 300 человек из Калмыкии в Индию, до 800 — в Латвию) или индивидуальными, религиозными или светскими (конференции).

Начиная с рубежа XX и XXI вв. мы наблюдаем новые формы паломничества: теперь не все его участники практикуют буддизм, посещение святых мест доступно на удобном транспорте и часто

2. Bernstein, A. (2009) “Pilgrims, Fieldworkers, and Secret Agents: Buryat Buddhologists and the History of an Eurasian Imaginary”, *Inner Asia* 11: 23–45; *Митруев Б.Л., Воронина Д.К.* Первый фотограф Лхасы: публикация дневника О. Норзунова «Три поездки в Лхасу (1898–1901)» (перевод Д.К. Ворониной, комментарии Б.Л. Митруева) // Oriental Studies. 2018. №6. С. 36–72; *Очирова Б.В.* Традиции калмыцких паломничеств в Тибет // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск. 2010. С. 149–152.

3. Claveyrolas, M. (2017) “The Amazement of the Ethnographer. Hindu Pilgrimage beyond sacred and Profane”, in D. Albera, J. Eade (eds) *New Pathways in Pilgrimage Studies. Global Perspectives,* p. 37. Routledge.

сопряжено с второстепенными задачами — туристическими, лечебно-оздоровительными, потребительскими. Такое путешествие достаточно комфортно и не связано с преодолением особых трудностей и рисков. Путешественники встречаются с «ландшафтом визуально и материально» и «взаимодействуют» с ним кинетически, чувственно и творчески, видя и становясь «частью картины»[4].

Регулярные паломничества стали возможными в постсекулярной Калмыкии благодаря активной работе сангхи хурула (храм — *калм.*) «Золотая обитель Будды Шакьямуни» в Элисте и особенно — деятельности Шаджин-ламы (Верховного Ламы) Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче.

Для современных верующих, пришедших в религию из неверия, имел значение цельный образ буддийских монахов, которые все принадлежали к постсоветскому поколению и не имели опыта компромиссов с советской властью. Они все учились в Индии и привлекают людей своими знаниями. Важную роль в становлении религиозности в регионе играют регулярные учения «высокореализованных учителей», приезжающих в Калмыкию: ведь «традиция устной передачи — от Учителя к ученику является условием сохранения линии преемственности учения»[5].

Известно, что одним из условий отправления в паломничество является убежденность в том, что надежные источники важнейших смыслов и ценностей находятся вне привычного поля жизнедеятельности людей[6]. Так происходит и с калмыками, давно оторвавшимися от единоверцев в своем движении на запад. Именно путь обратно на восток, к Далай-ламе, который три века назад утверждал калмыцких ханов в их статусе, казался для многих особенно привлекательным — своего рода «возвращением к традициям». Паломничество в традиционном обществе считалось социально престижным фактом биографии и было по карману избранным. В наши дни паломническая поездка стала доступнее и не рассматривается как достижение. Более того, ежегодные (и чаще) поездки в Индию частью сообщества воспринимаются как причуда, чрезмерность («удариться в буддизм»), и, напротив,

4. Maddrell, A. (2011) "'Praying the Keeills'. Rhythm, meaning and experience on pilgrimage journeys in the Isle of Man", *Landabréfid* 25: 17.

5. *Марзаева М.Б.* Развитие института паломничества в современной буддийской традиции России (на примере республики Калмыкия) // Полевые исследования. 2014. № 2. С. 161.

6. Моя благодарность Сергею Штыркову за эту формулировку.

менее частые, нерегулярные поездки в паломничество — с одобрением, как уважение традиции.

Перемещение в пространстве паломников часто связано с поиском аутентичных мест, где можно пережить опыт встречи с самим собой «настоящим»[7] — тем «настоящим калмыком», который согласно распространенному эссенциалистскому взгляду уже по рождению относится к буддийской культуре. Неслучайно многие везут на учения калмыцкие костюмы или другую одежду, маркирующую этничность — калмыцкие шапки с красной кистью, футболки с изображением калмыцкого флага или надписью «Я — калмычка».

Привлекательным фактором для верующих россиян является экономика в Дхарамсале (и в целом в стране), на фоне которой положение в Калмыкии кажется не таким катастрофическим: приходит понимание, что человеческое счастье не зависит от уровня благосостояния. Молодежь, которая все заметнее среди паломников, не стремится следовать постсоветскому габитусу «отцов» с глубокой зависимостью от материального (заработок, ипотека, кредиты и проч.) и едет в Индию за духовными смыслами.

Другим фактором современного паломничества является смена ритма жизни: поездка в паломничество воспринимается как отдых и работа души в комфортных условиях общения с единоверцами. Неделя в предгорьях Гималаев с подъемом на рассвете для утреннего *корá* (ритуального обхода посолонь вокруг святого места), погружение в даруемое Далай-ламой XIV учение, посещения других монастырей, забота о родных (живых и ушедших в иные миры) с ритуальной подачей списков имен для упоминания в молитвах как продолжение родственных обязательств — такой отпуск кажется «духовнее» для паломника и полезнее для семьи.

Многие паломники обращаются в Дхарамсале к врачам в Институт тибетской медицины и астрологии Мен-Ци-Кханг, осуществляющим диагностику по пульсу и моче с назначением лекарств, которые можно тут же приобрести. Они стремятся также посетить оракулов, астрологов, чтобы задать актуальные вопросы. Если проблема может решиться с помощью ритуала или молитвы, то монахи подскажут, что именно может помочь. Почти все паломники стремятся привезти домой религиозные предме-

7. *Кормина Ж.* Паломники. Этнографические очерки православного номадизма. М: Изд. Дом ВШЭ. 2019. С. 37.

ты для домашнего алтаря, амулеты, ценность которых множится тем, что они были произведены в святых местах.

Паломничество как одна из «номадических практик», укорененных в буддизме, стало инструментом распространения буддизма и… переопределения этнической идентичности на постсоветском пространстве[8]. Среди паломников Калмыкии, которых насчитывалось примерно около 1000 чел. на учениях 2018 г. в Риге и 500-600 чел. — на учениях в Индии в 2018 г., большая часть — женщины. История моей информантки КД — красноречивый пример частного поиска пути к вере.

Предыстория паломничества

«Я искренне и глубоко верующий человек. Для меня это образ жизни, мировоззрение и, если рассуждать через призму буддизма, — это постоянный контроль речи, ума и поведения. Я не раз убеждалась, что все это взаимосвязано: я стараюсь контролировать свою речь, поведение как репрезентацию мышления. Это трудно. Все перечисленное входит для меня в понятие веры.

Не секрет, что к вере приходят через страдания. Именно они чаще всего являются катализатором духовного поиска: или ты идешь по духовному пути — вверх, или ты идешь вниз, когда испытываешь неимоверную боль от потери. Ментальные страдания — это такая мука, что многие не выдерживают, начинают пить, деградировать. Я их не осуждаю, я знаю эту силу боли… У меня началось все классическим образом — после потери сына. До этого я потеряла мужа, но такого скачка сознания не было. После того как я потеряла горячо любимого младшего ребенка, который был смыслом моей жизни, с этой боли начался мой путь к вере.

До этого я была “вульгарной материалисткой”. Я была ритуальщицей, как многие люди, воспитанные в наше время в духе атеизма. Появляются дети, и мы исходя из традиций идем в хурул, чтобы защитить детей ритуалами *хар келн уттлх*[9], *насан уттулх*[10]. Осознанности не было. А вера без осознанности — это ноль, ничего.

Я много думала: почему все это произошло со мной, в моей семье? Стала искать ответы на вопросы. Тогда, после трагедии,

8. Bernstein, A. (2012) “On Body-Crossing: Inter-Body Movement in Eurasian Buddhism”, *Ab Imperio* 2: 194.
9. Обряд «обрезание черного языка» (калм.).
10. Обряд «продление жизни» (калм.).

я пришла к ламе Шургану, к которому ходила по поводу ритуалов. Я спросила у него: “Если я уйду из жизни, встречусь ли я со своим сыном?”. Он понял суицидальную направленность моих мыслей и стал со мной разговаривать: “Не факт”, — уверенно сказал он мне. Мягко, но настойчиво вел меня к мысли, что я веду себя как эгоистка. Он мне сказал: если ты уйдешь из жизни, ты причинишь много боли родным людям, у тебя мама живая… Сколько боли ты им причинишь. Сказал, что у меня есть старший сын и такие замечательные подруги. Я тогда не знала, что мои подруги ходили к этому ламе с фотографией сына и просили почитать молитвы, объясняя это тем, что верила я только этому ламе. Он говорил им, что молитва у него не шла, и, хотя он им говорил, что он ничего сделать не может, они упорно сидели и не уходили. Когда близ Астрахани освящали “Ступу победы над всеми препятствиями” в декабре 2013 г., одна из подруг поехала туда, чтобы помолиться за моего ребенка, она встретила другую мою подругу, которая делала то же самое.

До меня достучаться тогда было трудно. Была обида на весь мир: я ведь такая хорошая и никому плохого ничего не делала, почему так произошло? Помню, что лама сказал: “Поезжай в Индию”. Я тогда как раз ушла с работы: мне было трудно видеть студентов, ровесников моего ребенка… Видя мою упертость, он рассказал, что пережил подобное, когда потерял маму. Он помогал всем людям, а маму не часто навещал, мама жила с братом в заботе и любви. Но сам не успел попрощаться… У него было такое чувство вины, боль, горе. Он поехал в Индию, там практиковал и однажды обрел долгожданный покой, медитируя под деревом Бодхи. Я помню, как он взял с алтаря лист этого дерева, дал мне его подержать в ладонях, теперь на моем алтаре есть такой же листок. Когда я уходила, я оглянулась. Он стоял и смотрел мне вслед. Так в первый раз появился ориентир на Индию.

Меня отправили в санаторий. Со мной работал психотерапевт. Стало легче, я уехала в Москву к старшему сыну. Конечно, от боли никуда не убежишь. Я жила там несколько месяцев. Как-то пригласила меня к себе Ира У., моя троюродная сестра, которая давно практиковала буддизм. Она врач, кандидат медицинских наук.

Вот тогда создавались причины, и условия для меня начали созревать[11]. Сейчас я понимаю, что все меня вело в Индию. В то вре-

11. Пример использования информанткой буддийского языка. Для понимания смысла учения ум должен созреть, а для того, чтобы встретиться с учителями, должны быть созданы условия, которые в понимании буддистов обусловлены наличием благой кармы у человека.

мя в Дхарамсале училась Кема Б., дочь Ириной старшей сестры. Ира предложила мне поехать в Индию к Кеме: “Одно твое слово, и я поеду с тобой”. Я сразу возразила: я человек неверующий, мне это не нужно. Позвонила Кема: “Приезжай, пожалуйста, я тебя жду, я обещаю, что здесь тебе станет лучше”. Но я и слышать не хотела, сказала, что у меня нет на поездку денег. Я и вправду тогда не работала. Отговорки!

В машине, когда мой сын забирал меня от Иры, я озвучила ее предложение поехать в Индию. Сын мне сказал: “Я тебя никуда не отпущу, вдруг там заболеешь... Никакой речи не может идти об Индии”. Я и не возражала. Тут вступила в разговор моя невестка Вика: “Я считаю, что ты не прав. Пусть мама поедет в Индию, она же не одна поедет. А мы с тобой станем спонсорами. Пусть поменяет хотя бы картинку перед глазами”. А мы почему-то не стали возражать. Приехали домой, Вика сразу же купила билеты мне и Ире. За три дня я получила визу, и до отъезда у меня оставалось 10 дней. Дети мои уезжают в Элисту, я остаюсь у Иры. И я думаю: я себя считаю человеком образованным, но я ничего толком не знаю о буддизме, я должна подготовиться.

На мое счастье у Иры была хорошая библиотека. Читала я много, встречала непонятные термины... один, другой, и тут я воспряла: я поняла, что в буддизме есть свой терминологический аппарат, значит, это наука, мне это близко. Мне стало интересно, я поняла, что это надо попробовать постичь. Первый термин, который встречался особенно часто, был “татхагата-гарбха” — природа буддовости: на помощь пришел интернет. И вот для меня как начинающего буддиста находкой стала книга Фабьена Уаки “Представь себе”. Она написана в форме серии интервью с Далай-ламой XIV, где идет речь о человеческих ценностях с точки зрения философии буддизма. Когда я стала ее читать, у меня как будто стали открываться глаза. Так началось мое знакомство с теорией буддизма. Как оказалось, каждый человек рождается на свет подобным Будде. По ходу жизни начинаются омрачения в виде желаний, зависти, злобы, отчаяния, наше сознание начинает загрязняться слой за слоем. Это клеши[12]. Но их можно убирать, работая над своим сознанием. Платье легко отстирать, а сознание — трудно, потому что омрачения копятся годами, тем более если приходишь к этому во второй половине жизни.

12. Клеша (санскр. *kleśa*) — загрязнение, осквернение, моральное падение.

Во всем была такая логика — возразить-то нечего. Все десять дней я садилась утром читать и не замечала, как пролетал день. Каждый день все, что охватывало мое сознание, я излагала в телефонных беседах старшему брату Саналу, который давно шел по этому пути, не раз был паломником. Помню, он сказал тогда: “Мне понадобилось два года на все то, что ты усвоила за эти несколько дней. У тебя идет расширение сознания, пользуйся этим”. Мне казалось, что я иду семимильными шагами, а с точки зрения буддизма это был просто один небольшой шаг. Но для меня это был... прорыв! Все шло на обостренное восприятие. Эту информацию тогда было настолько легко вливать в себя, в сосуд сознания. Это было в радость. Однако перед поездкой я заболеваю. Первого мая нам улетать, а за сутки у меня начинается “синдром пылающего языка”. У меня “горит” язык, я не могла есть, по лицу пошли темные пятна. Начали воспаляться уголки губ, образовались язвы. Это теперь я понимаю, что начались препятствия, шла проверка на мою готовность. Мы поехали к стоматологу, и мне сказали, что это последствия стресса и надо принимать антидепрессанты. Возник вопрос: надо ли ехать? Я запаслась мазями и приняла твердое решение ехать».

Дхарамсала

«Мы вылетаем в Индию. У меня за плечами только рюкзачок. Кема нас встречает в Дели. Все мне не нравится, начиная с воздуха. Негатив, запахи, жара. Я отказываюсь ехать смотреть Дели. Несмотря на мое негативное ко всему отношение, Ирина и Кема вели себя со мной очень корректно. Кема, чтобы облегчить мои страдания, дала мне семдэ[13]. Мне помогло.

Выходим в Дхарамсале. Жара, навоз, запахи.... Опять мне все не нравится, кроме чудесных, сияющих чистотой снежных вершин. Кема чувствует мое состояние, спокойно говорит: “Не переживай. Обещаю, что пройдут сутки, и ты ничего этого замечать не будешь. Мы сейчас поднимемся в Верхнюю Дхарамсалу, там прохладнее”. Едем на такси вверх по жуткой дороге, заселяемся в скромную гостиницу. И прежде всего мы идем к храму Далайламы. Там я, до сих пор находясь в сомнениях, куда-то в небеса глядя, обращаюсь вслух к кому-то: “Пожалуйста, если это все работает, покажите мне чудо с точки зрения мирянина. Я сама хочу в это поверить, но мне так трудно, пожалуйста!”. Спасибо Ире

13. Семдэ (тиб. *sems bde*) — тибетское успокоительное лекарство.

и Кеме — они никак не реагировали на меня, просто находились рядом. Позже мы легли спать. Перед сном они молились, читали мантры. Они же уже были на тот момент практикующими буддистами. Я смотрела на них и думала: “Вот два образованных человека с учеными степенями ... Как странно...”.

Утром я проснулась, вижу — опять Кема и Ира читают мантры. Они просыпались в 5 утра. Я продолжаю мыслить негативно. И вдруг кто-то из них мне говорит: “Ты видела себя в зеркале? Посмотри”. Я взглянула — никаких язв и пятен на лице, никакого синдрома “пылающего языка”. Все куда-то ушло. Я задала вопрос: “Что произошло?”. Получила невозмутимый ответ: “Ты же просила вчера о чуде? Вот и получила. Ты должна понимать, что Дхарамсала по периметру защищена присутствием Далай-ламы. Здесь нет негатива. Твоя просьба исполнилась”. Я получила это маленькое чудо. Там происходило много чего чудесного со мной.

Я оделась в специально подготовленную одежду, нарядную и одновременно удобную. И мы пошли на первое кора́. Кема бежала на занятие по философии и оставила нас одних. Она отправила нас жестом к началу широкой тропы и предупредила: “Будьте осторожны: тут обезьяны, коровы могут встретиться на пути”. Мы подошли ближе: видим, стоит монахиня и смотрит на нас, как будто ждет. Кема крикнула ей на тибетском: “Помогите им, у них это первое кора́”. Она кивнула нам, приглашая следовать за ней, и она нас повела. Она устраняла все препятствия в виде назойливых обезьян и упрямых коров, которые могли встать посреди тропинки так, что невозможно было их обойти. Кстати, потом, когда мы это делали одни, нам всегда помогали тибетцы, необыкновенный народ, добрейший. Монахиня нам показывала, как правильно все делать: держа в руках четки, мы начитывали известные нам мантры, вращали по ходу барабаны-кюрде[14]. На площадке с фотографиями самосожженцев[15] надо остановиться, сесть и прочитать “Ом мани падме хум”[16]. Так мы прошли с ней три круга в молчании.

Потом она нас завела в храм Его Святейшества, показала, что нужно сдать телефоны, пройти досмотр, дала понять, чтобы мы прошли в храм, а она останется делать простирания. Мы с благодарностью попросили принять подношение, она отказыва-

14. *Кюрде* — буддийские барабаны с текстами мантр.

15. Те, кто сжег себя в Индии и Тибете в знак протеста против правления Китая в Тибете.

16. Мантра милосердия — основная мантра в тибетском буддизме.

лась, но мы осторожно настаивали. И тогда она взяла нас за руки и притянула каждую по очереди к себе так, прислонившись лицом к лицу на несколько мгновений, мы замирали в таком положении. Я потом узнала, что этот жест означает особое доверие, признание равной себе... Проявление такого дружелюбия и неподдельного уважения было так незнакомо. На меня это действовало благотворно, я начала оттаивать, как будто у меня в груди затеплился какой-то огонек, который с каждым днем набирал силу.

Мы пошли наверх, зашли внутрь. Первое божество справа от входа было мне знакомо — Зеленая Тара. Мы сели перед ней, Ира читала мантры. Мы обошли все алтари с божествами в двух комнатах, преклонились перед троном Далай-ламы. Кругом чистота, свежесть такая...

Потом мы вышли и пошли обедать. Познакомились с Аней И., которая уже 11 лет жила в Дхарамасале. Они с мужем буддисты и волею судьбы стали жить там. Ее муж в это время был в ретрите[17]. Аня и Кема взяли над нами шефство. На другой день пришла информация, что Кармапа[18] будет давать благословение. Кема меня берет за руку, говорит: нам очень повезло, и мы сейчас же едем в монастырь Гьюто. Я в полном неведении, но надо так надо. Поехали в монастырь Гьюто. Там очередь, надо пройти досмотр. Подошла наша очередь, и мы заходим. И я вижу необыкновенного человека в своем окружении: с волевым лицом, высокого, красивого. Выстраивается очередь из паломников. Нужно подойти к нему, получить благословение и красный шнурок — сунгду[19]. Мы подходим, получаем благословение, выходим пятясь. Отправляемся в обратный путь. Что происходит дальше? Вместо легкости и позитива я чувствую, как по мне поднимается волна и выходит через голову, неприятные «мурашки». Мне это не нравится. Я начала думать, что заболела: озноб — не озноб? Я чувствую раздражение, направленное на всех, агрессия нашла на меня. Думаю, что я тут делаю? Хорошо, что я была с опытными буддистами. Кема идет рядом и, не глядя на меня, произносит: “Тебе плохо? Ты готова поругаться со всем миром?” — “Да, откуда ты знаешь?” — “Потому что я ощущаю сейчас то же самое. Ты получаешь опыт. Когда встречаешься с живыми Буддами, получаешь благословение от высоких лам, негатив начинает выходить наружу. Вот

17. Ретрит — затворничество, отшельничество для духовной практики.

18. Кармапа — глава школы тибетского буддизма *Карма Кагью*.

19. Сунгду (тиб. — srung mdud) — защитный шнурок с узлом посередине.

почему на Учениях происходят ссоры то тут, то там. Ты должна все осознавать. Осознанность здесь — первое дело. Это уже начинается работа с твоим сознанием, надо осознавать — это негатив, он выходит из тебя. Ты должна понимать, что это не случайно, а в результате контакта с человеком реализованным. Должна понимать, что идет отработка, и вести себя правильно, не поддаваться на провокации". Это был еще один момент откровения, очень важный для меня: я все впитывала как губка...

Всего мы там были девять дней. Мы с Ирой ходили на массаж к тибетскому целителю по очереди. Как-то я возвращаюсь после массажа, хозяйка гостиницы просит меня быстрее подняться к себе. Поднимаюсь, вижу, что Ира не может пошевелиться — страшная боль за грудиной. Она уже позвонила Кеме, которая мчалась к нам на такси. Я завернула сестру в палантин, и мы осторожно спустились вниз.

Накануне в городе мы встретили моложавого, подтянутого мужчину, одетого по-европейски, он стоял в ожидании машины и окликнул Кему. Она подошла к нему с большим почтением и радостью. Пока они разговаривали, я стояла в стороне. Вижу, что он смотрит на меня и что-то говорит Кеме. Она подбегает ко мне и, счастливая, сообщает: "Не случайно ты сюда приехала. Ты знаешь, это оракул Далай-ламы Гадонг. Он спросил, кто ты, я ответила, что ты моя тетя. Он сказал, чтобы ты завтра в 14 часов пришла к нему. Ты понимаешь, какое это счастье?" Я, конечно, ничего не понимала. Говорю: "А что надо ему говорить?" Кема ответила: "Ему ничего не надо говорить. Пусть все идет своим чередом".

И в продолжение истории с массажем. Наступил тот день, когда я должна была идти к оракулу Гадонгу, а тут Ирина болезнь, непонятная и пугающая. Это все происходило за пару дней до нашего отъезда.

Ириша вся в опасениях, как врач она понимала, что загрудинные боли — это не шутки. Вбегает Кема и говорит, что мы по пути захватим переводчика с хинди, бурятку Баярму. Иру мы посадили в такси и поехали в госпиталь в Нижнюю Дхарамсалу. Нас там хорошо приняли, провели полное обследование, и мы готовы были распрощаться со всеми нашим деньгами. Вышел доктор и сообщил, что все у Иры в порядке. И Ира говорит, что у нее уже ничего не болит. Мы спросили у доктора, сколько мы должны. Неожиданно доктор говорит, что мы ничего не должны, разворачивается и уходит. Кема была очень удивлена: сколько она в Индии живет, такого еще не было, чтобы дорогостоящие обследова-

ния провели и денег не взяли. Чудеса... Они продолжались. Мы зашли в столовую попить воды, и тут я смотрю на часы и говорю: “Без двадцати два, мы не успеваем к оракулу Гадонгу”. Кема быстро отвечает: “Как не успеваем? Он живет совсем недалеко”. Я была одета в джинсы и футболку, то есть неподобающе. Как я могу предстать в таком виде? И тут Ира снимает с себя красивый палантин и отдает мне, чтобы я завернулась. Кема радуется, что у нас есть и отличный переводчик — Баярма, так как сама она на тот момент тибетский только начинала изучать.

Мы выбежали из больницы, как будто никто и не болел. По пути встречаем нашу Аню, тоже знатока тибетского, она присоединяется к нам, покупаем фрукты и идем к оракулу. Пришли минута в минуту. Досточтимый оракул Гадонг нас ждал. Он весь светился добротой и радостью. Его помощница вынесла нам угощение, сладкий чай масала, с молоком, с пряностями, орешки, сладости. Он внимательно на меня смотрит, но общается с девочками. Я молчу. Они говорят на какие-то общие темы. Вдруг поворачивается ко мне и говорит на английском: “Что ты хочешь?”

Я задумалась: что же я хочу? Прошлое я знаю, в настоящем я нахожусь, будущее я не хочу знать. Вслух сказала: «Ничего. Я просто рада встрече с вами». Он широко улыбался. У них продолжилась беседа. Вдруг он опять ко мне поворачивается и говорит: “Я хочу сделать тебе подарок. Подойди ко мне”. — Я подошла. Он подводит меня к алтарю и снимает оттуда белоснежную статуэтку божества. Поскольку я не разбираюсь в пантеоне божеств, спрашиваю: “Кто это?” Он тихо мне говорит, улыбаясь: “Это Амитаюс. И запомни: страна Девачен[20]”. Я твердила про себя незнакомое слово “Девачен”, чтобы не забыть. Потом я узнала, что Амитаюс бывает в основном в красной ипостаси, а в белой очень редко. Баярма сказала, что расписывала статуэтку она: Баярма — танкописец. Оракул продолжил: “Я это сделал своими руками, пусть это будет у тебя ...”. Моей Ире он подарил Зеленую Тару.

Услышав, что это божество Амитаюс, я испытала потрясение. Почему? Вернусь назад. В первый день после приезда мы были у астролога *ген*[21] Пентрука. Он, кстати, в Элисту приезжал потом, я с ним снова встречалась. У меня было очень много вопросов

20. Девачен (тиб. — *bde ba can*, санскр. *Sukhāvatī*) — Чистая Земля, «рай» Будды Амитабхи. Амитаюс (санск. — *Amitāyus*) — одно из имен или одна из ипостасей Амитабхи.

21. Ген (*rgan*) сокращение от геген (*dge rgan*) — учитель.

по уходу мужа, сына... Мы с ним три часа беседовали. Он смотрел в свои книги, считал, рисовал, вычерчивал. Тогда он мне сказал: “Ты хочешь помочь своему мужу?” — “ Да”. Он мне сказал, что он переродился женщиной, и чтобы у него было все хорошо, я должна взять Зеленую Тару, отнести в монастырь, оживить ее и молиться. И все будет хорошо у моего мужа. Говорит: “Сыну хочешь помочь?” — “Да”. — “Возьми Будду Шакьямуни. Это его покровитель. Оживи его, отнеси в монастырь, там наполнят мантрами, запечатают, пусть у тебя будет, читай, обращайся к нему, для сына, для его хороших перерождений”. Все шло к тому, что у меня дома будет алтарь и я буду практиковать. И вопрос у меня был — меня невестка просила узнать, кто покровитель нашей семьи. И вот тогда я и услышала о Будде Амитаюсе. Я спросила, кто это. “Это Будда непресекаемой долгой жизни. Возьми его тоже для семьи”. Я про себя подумала: надо детям купить статуэтку, а себе тогда взять какое-нибудь изображение. В тот же день мы с Кемой купили статуэтки и отдали в монастырь Гьюдмед. Монахи мне сказали, что это долгий процесс и надо прийти за ними перед отъездом.

Астролог в начале моего паломничества и оракул за пару дней до отъезда называют одно и то же божество, мало того — как будто мои мысли были услышаны: я все время думала — мне тоже нужен Амитаюс, и я получаю Амитаюса в белой его ипостаси из рук досточтимого оракула Гадонга Кутен Тензин Вангдака... Чудо.

Я никогда не знала, что есть обряд, который делает тебя буддистом. Я думала, что если я родилась калмычкой, то я по рождению буддистка и есть. Оказывается, вовсе нет. Оказывается, в буддизме есть такой ритуал — “Принятие Прибежища”.

В начале больших молебнов ламы всегда давали Прибежище. Просто мы этого и не знали. Когда же я уезжала в Индию, я уже имела представление о Прибежище и про себя думала: как же я хочу принять Прибежище, чтобы стать настоящей буддисткой. Потому что представлялось мне так: если ты без Прибежища, то ты как будто на обочине дороги стоишь и кричишь — тебя услышат или нет. Но если ты принимаешь Прибежище, идет прямая передача от Учителя к ученику, тогда ты обретаешь покровительство всего пантеона Будд. Еще в Москве, перед отъездом, я говорила брату: мол, хотелось бы принять Прибежище и вообще хорошо бы встретить Учителя... На что он мне ответил: “Не думай об этом. Если суждено, если причины и условия созрели, то все может быть”. Тогда же перед отъездом приходил друг нашей семьи, он потомственный целитель, и сказал мне, что ви-

дел сон — меня рядом с красивой белой ступой, значит, поездка будет благословенной. Мы уже собрались уходить и вдруг оракул Гадонг наклоняется ко мне и говорит: “Почему ты хочешь уехать и не получить того, зачем ты сюда приехала?” Странно, но я понимаю, что речь идет о Прибежище. Я говорю: “Не встретила учителя”. Он улыбается и говорит: “Ты встретила меня”. Он попросил бумагу и ручку и стал что-то писать, потом обратился к Кеме и Баярме: “Сейчас вы пойдете в библиотеку Нейчунга, там будет давать мирянам урок по философии геше[22] Лобсанг Дакпа. Передайте ему это от меня”. Кема говорит: “А вдруг геше откажет?” Он рассмеялся: “Мне?”

Мы очень тепло попрощались, я ему поклонилась, он взял в ладони мое лицо и сердечно так сказал: “Теперь все у тебя будет хорошо”. Он проводил нас, показал рабочее место на небольшой веранде, где он сам отливал *цаца*[23], и сказал на прощание, чтобы я все довела до конца.

Так мы отправились дальше. По дороге Баярма нервничала и говорила, что устала и плохо себя чувствует. А мои девчонки ее совсем не слушали. Я говорю: “Аня, Кема! Может отпустим Баярму, неудобно ведь?” — «Не обращай внимания, никуда она не уйдет”. Мы пришли в монастырь Нейчунга, зашли внутрь, посетили комнату защитников[24], посидели в дугане[25]. Я разговорилась с Баярмой. Рассказала о себе. Она очень прониклась... Мы пообедали и пошли к классу, где должен был проходить урок.

Появился Учитель. Кема подошла с поклоном и протянула записку, он прочитал и позвал меня. Я подошла, а он улыбается — сама доброта. Поздоровался и пригласил на урок по Белозонтичной Таре. Попросил Баярму сесть рядом и переводить. После урока все встали и поблагодарили учителя, а он раздал всем фрукты и соки. А мне сказал, что завтра утром будет ждать в храме Его Святейшества, в классе. “Я как раз позанимаюсь с монахами, а потом займусь тобой, дарую Прибежище. Еще я хочу сказать: когда ты летела сюда, мимо тебя пролетел Далай-лама. Вы встретились в воздухе. Ты не горюй, что с ним не встретилась”.

22. *Геше* (*dge bshes*) — монашеская ученая степень в тибетском буддизме.

23. *Цаца* (тиб. — *tsha tsha*) — здесь: штампованные глиняные фигурки Будд, бодхисаттв или ступ.

24. Комната защитников (тиб. — *mgon khang*) — комната в монастыре, посвященная божествам-защитникам.

25. Дуган (тиб. — *‘du khang*) — зал в монастыре для молитвенных собраний монахов.

В это время Его Святейшество давал учения в Риге. Мои мысли как будто читались...

Ира сказала, что пойдет со мной. Мы стали просить Баярму, так как геше сказал, чтобы был переводчик. Она сначала отказалась, я сильно огорчилась. Но Кема успокоила, сказала, что не надо слушать ее, что она придет непременно. Мы все пошли отдыхать.

Утром мы с Ирой пришли в назначенное место, наша Баярма уже была там, примчалась на мотоцикле, принесла книгу практик на русском языке, разъяснила, что и как будет происходить. Она очень хороший человек.

Мы вошли в класс. Геше нас посадил, угостил сладостями, стал расспрашивать: “Вы из Калмыкии?” — “Да”. — “А какая там школа буддизма?” — “Гелуг”. — “Знаешь, что ты сюда не случайно приехала? Кто основатель этой школы?” — “Лама Цонкапа[26]”. — “Знаешь, как его зовут?” — “Нет”. — “Лобсанг Дакпа. И меня зовут Лобсанг Дакпа. Я из того же монастыря, что и лама Цонкапа. Понимаешь, ты, калмычка, попадаешь ко мне. Здесь ты встречаешься с таким высокореализованным человеком, как оракул Гадонг, и он направляет тебя ко мне. Когда я тебя увидел, я сразу понял, что мы с тобой кармически связаны...”. Чудеса продолжались. Еще он сказал: “Знаю о твоем горе, Баярма рассказала. Скажу, что мальчик, который своим уходом вернул маму в дхарму, не просто так приходил сюда”.

Он стал рассказывать о “Трех драгоценностях”, в чем ценность Учения Будды, самого Учителя, Сангхи. Все должно дойти до ученика. Потом он попросил нас повторить за ним трижды молитву Прибежища. Ты же знаешь, что такое линия передач от Учителя к ученику. Именно устная передача бесценна, потому что геше получил Учение от своего Учителя, и т. д. Эти линии начинаются от Будды и его учеников. Или передача может идти от семнадцати Пандит[27], являющихся Драгоценностями университета Наланды. Вот в этом ценность.

Я все это повторила. Спасибо Баярме, что заранее показала этот текст. Потом Учитель передал нам другие мантры. Когда получаешь устную передачу — из глубин времен, мантры обретают особую силу. Они начинают работать так, как надо, и создавать нужные ви-

26. Цонкапа (1357–1419) — тибетский религиозный реформатор, основатель школы *гелуг*.

27. 17 Пандит — 17 великих ученых университета Наланда, буддийского средневекового университета на Севере Индии.

брации. Он следил, чтобы я правильно произносила. Даже писал на бумаге и просил прочитать. Я и Ира получили все основные мантры от Учителя. После этого мы сделали подношение, от которого Учитель отказывался, но мы сказали, что это для простых монахов.

Он нам сказал: “Пойдемте со мной, я сделаю вам подарок”. И он подарил каждой из нас танку “Древа Прибежища”, оттиск на атласе. И сказал: “Когда приедешь домой, убери танку под стекло, оформи в красивую раму. Она должна быть над алтарем, и тебя будут слышать все божества. И ты должна будешь каждый день читать пятистрочный Мигзем[28]”. Мигзем — это обращение к ламе Цонкапе, в его лице — ко всем божествам Прибежища. Мне надо читать пятистрочный. Я подумала, что в жизни не выучу. Он сказал тогда, чтобы я сфотографировала текст на телефон, что я и сделала. Опять чудеса… Когда я получила Прибежище, пошел дождь. Он рассмеялся и дал нам дождевики. Провожая, сказал: “Приезжай в Дхарамсалу по возможности. Тебе здесь будет очень хорошо. Душа будет отдыхать. Запомни: делай хорошо, не делай плохо. Вот и всё”. Вот оно — рациональное зерно учения.

Я выхожу и… чудо — солнце и радуга! Для буддистов появление радуги означает, что дакини[29] появляются и благословляют тебя. Знак того, что все состоялось в самом лучшем виде.

Идем, и я говорю Ире: “Знаешь, кого я хочу увидеть? Ту монахиню, которая повела нас на первое кора́”. — Мы выходим из храма, и чудо… она стоит. Мы стояли, прощались с ней, обнимались.

Еще один момент. Кема говорит, некоторые люди приезжают и ничего не получают. А у тебя как будто все запрограммировано. Удивительно… Созрела карма… На третий день моего пребывания поступила информация, что Кармапа дает Посвящение Ваджрасаттвы. Тогда я не знала, что это за божество. Все всколыхнулись, ведь пять лет передача не давалась. Ваджрасаттва — Будда чистоты, который чистит карму. Говорят, можно практиковать только Ваджрасаттву — и ты можешь исправить свою карму.

Мы туда едем, там море людей. Я не помню, что это был за монастырь. Идет обряд, я ничего толком не соображаю. Рядом со мной оказалась землячка Надя, которая там жила уже год. Я попросила дать мне короткую мантру, она мне произнесла ее и описала, как выглядит этот Будда — «белый Принц». После ритуала нас угощали лепешками, чаем. Мы вышли, и девочки из Бу-

28. *Мигзем* — мантра ламы Цонкапы.

29. *Дакини* — богиня или тантрическое божество женского пола.

рятии мне говорят: ”Вы просто счастливая. Вы знаете, как мы этого долго ждали, а вы приехали и получили”. До этого ген Пентрук мне сказал, что я еще обязательно должна получить Посвящение Ваджрапани[30], моего защитника по звездам, и покрасить ступу.

На другой день мы перед отъездом угощаем всех друзей, сидим в кафе, чудесно общаемся. Вечером в гостиницу пришел молодой врач Айтуш и попросил отвезти лекарства для нашего хурула. Мы там знакомимся с монахом Саналом Мукабеновым, он тогда учился в Индии, наша гордость. И вот мы должны улетать...

Когда мы были в монастыре Нейчунга, нам подарили оранжевые зерна. На мой вопрос, что с ними делать, Кема ответила: “Вот кинешь их в чемодан, там ничего видно не будет”. Я сказала, что быть такого не может. Но потом сама в этом убедилась. Мы, конечно, были уверены, что нас остановят, раз мы целый чемодан лекарств везем и статуэтки Будд. Нам повезло с досматривающим служащим, он попросил открыть чемодан, сам уложил туда всех Будд, лекарства. Закрыл его, сверху прикрепил наклейку, что досмотрено. И больше никто не трогал этот чемодан. Я считаю, что это чудо.

Так мы долетели. Реакция моего сына на меня... Это просто была буря эмоций. Какая мама уезжала — и какая вернулась! У него глаза засветились, он побежал мне навстречу со словами: “Мама! Мама!” Обнимал меня крепко. Я ему все рассказывала по дороге. Он внимательно и молча слушал: все что угодно, главное, что я вернулась такая, как прежде... Впереди предстояла работа над собой».

Вера как внутренняя работа

«Через несколько дней после возвращения раздался звонок от Ларисы, родственницы, которая часто помогает в хуруле. Послезавтра был день рождения Будды Шакьямуни. Предстояло большое торжество. Она мне говорит: “Тебе на 12 часов назначил аудиенцию Тэло Тулку Ринпоче”. Лариса в разговоре упомянула, что я была в Дхарамсале, виделась с Кемой. И вот она рассказывает: “Ринпоче-ла сел, закрыл глаза, посидел и сказал, чтобы ты пришла к нему завтра в 12 часов”. Теперь я понимаю, как он был занят накануне праздника. Но вот какая сила сострадания и ответственности за каждого... Наш Шаджин-лама такой. Я даже не знала, что ска-

30. Ваджрапани (санкр. *Vajrapāṇi* — держащий ваджру/молнию) — один из наиболее почитаемых бодхтсаттв в буддизме.

зать... Опять промелькнуло: “Чудо...”. И еще — что говорить и как? У меня плохой английский, а с Ринпоче тогда лучше было говорить на английском или тибетском. Как же мы смогли бы разговаривать? Я звоню Кеме в Москву и делюсь мыслями, а она мне сообщает, что из Москвы в Элисту едет Чагдыр, переводчик и мой бывший студент. Мы связались по телефону, и он сказал мне, что в 12 часов будет в хуруле. Вот так чудесным образом опять сложились условия для встречи с еще одним очень важным человеком в моей жизни...

Я с трепетом пошла на встречу. Мы общались час. Сложилось такое замечательное общение. Я задавала вопросы, он мне отвечал, давал рекомендации в своей особой манере. Он всегда так говорит: “Я вас всех люблю, но не буду разводить всякие слезы. Я ваш Шаджин-лама”. Выслушав мою историю, он вдруг прямо спросил: “Что для вас буддизм, ответьте”. Я помолчала, подумала и сказала: “Ринпоче-ла, простите, пожалуйста, но для меня буддизм — это даже не религия, а наука со своей терминосистемой, которую можно изучать, которая развивается, которую можно проверять на верификацию”. И он мне вдруг говорит: “Это правильный подход. Но мой вам совет. Вы имеете отношение к науке, наверное, любите читать и будете читать. Книги — это прекрасно. Но запомните! Ничто не заменит живого слова Учителя. Поэтому, когда к нам будут приезжать Учителя, посещайте учения”. Это был очень важный совет. Ринпоче-ла очень много сделал и делает для нашего образования, по его приглашению Калмыкию посещают такие высокие мастера...

Я тогда поспешила сказать, что накануне вечером была впервые на учении у Самдонга Ринпоче по тексту Нагарджуны. Это было для меня открытием! Сам текст “Письма другу” короткий, ничего необычного как бы. Но как шло толкование, как раскрывался подтекст! Любому университетскому лектору поучиться. Это было так захватывающе. Я сама по работе имела отношение к теории текста, преподавала синтаксис, и с герменевтикой знакома. Но это было что-то! Я поделилась впечатлениями с Ринпоче-ла. Он был очень рад, искренне. Я сказала: “Единственное, у меня есть сожаление, что за три дня мы все не пройдем”. Он утешил: “Учитель еще приедет”.

В то лето 2014 г. приезжали такие учителя! Как будто Вселенная услышала... Спасибо Шаджин-ламе. Я все лето училась... И уже не было такого, что я могла уснуть в хуруле, а вокруг меня люди спали. Тогда этого со мной не было вообще, и я еще удивлялась. Потом узнала о типах сосудов, типах сознания, что люди

бывают разные, с разной подготовкой приходят. Хорошо, что вообще приходят. Я же тихо пробуждалась, вот представь себе, во второй половине жизни только… хватило *буйн*[31] на это. А так бы и жила в неведении полном, страшно подумать.

Моя жизнь стала меняться. Поменялось окружение вокруг меня. Я поменяла место жительства. Мне было трудно жить в квартире, где я жила с сыном… Я очень просила Зеленую Тару о помощи. И в то время, когда всем моим знакомым было трудно продать свои квартиры, гораздо лучшие, чем моя, я ее продала. Я до сих пор поражаюсь, что все это получалось. Теперь у меня новая квартира, новая жизнь…

Никогда не забуду этой беседы, задавшей мне дальнейшее движение. Еще я спросила: “Вот привязанность — это одна из *клешей*, но как же мать не может быть привязана к своему ребенку? Разве это омрачение?”. Ответ не был прямым: “Это из области абсолютной и относительной истины. Иди в этом направлении”. То есть думай, думай сама, ищи ответ, анализируй. Сколько я тогда передумала, перечитала. Один посыл запустил аналитическую работу моего сознания. Вот сколько мудрости в этом человеке, Учителе. Это счастье, что он есть у моего народа…

Многие думали, что я слабенькая и под ударами судьбы сломаюсь. Но я выстояла и, оказывается, даже была примером для многих. Мои подруги, сестра — были атеистки, а теперь приняли Прибежище. Они во время посещения учений геше Тенпа Пакчока ходили вместе со мной, прониклись и попросили у него Прибежища, несколько раз просили. На третий раз попросили нас подождать. Это было после занятий по философии. Мы были в конференц-зале хурула, замерли в ожидании, стояли группой, стали подходить другие люди тоже с учений… Даже вдруг одна женщина подошла ко мне и взяла меня за руку, так и стояли в ожидании, молча. Вошел Учитель. Он очень внимательно на нас смотрел, потом улыбнулся и сказал, что ждет всех завтра. Нас было уже не несколько человек, а гораздо больше.

Еще один момент по поводу текстов. После того как я приехала из Дхарамсалы, у меня появился алтарь, стала читать мантры короткие, и все думала, как же я буду читать Мигзем пятистрочный? Произносится тяжело, артикуляция непривычная. Я читаю, читаю и никак не могу запомнить. А ведь Учитель прежде всего сказал

31. *Буйн* (калм.) — накопленные заслуги (хорошие дела), формирующие благую карму.

выучить Мигзем и читать его наизусть. Но у меня не получалось... Я легла спать. Утром просыпаюсь где-то в 5 утра и осознаю, что читаю наизусть. Я была так потрясена, что не удержалась и позвонила Кеме. Она совсем не удивилась, сказала, что в буддизме это называется "отпечатки", в какой-то жизни ты все это практиковала, поэтому какие-то тексты ты будешь легко заучивать, не удивляйся.

Геше Тенпа Пакчок проводил с нами ретрит в Сякюсн-Сюмэ, буддийском храме недалеко от Элисты, и дал передачу Амитаюса, стослоговую, и ситуация повторилась. Сто слогов — это довольно много для меня... Потом то же самое было со стослоговой мантрой Ваджрасаттвы. Много чего не запоминаю, учу специально стихи для тренировки памяти, и все равно быстро забываю, а эти тексты — нет ...

Вот и все. Вот такая короткая поездка, и столько всего произошло. Как будто я целую жизнь прожила в Дхарамсале. Так я сохранила себя как личность. Это были тяжелые испытания для меня... эти потери. Не озлобилась. Все благодаря тому, что эта философия, буддизм стал моей опорой ума.

Понятно, что я живой человек, что всякие омрачения посещают меня. И тоска по ребенку. Но чтобы достичь такого уровня, не привязываясь, надо мне не одну жизнь прожить. Так я вернулась в эту веру, которая точно когда-то была у меня. Хватило кармы в этой жизни.

Вернувшись из поездки, я пошла к ламе Шургану, который ориентировал меня на Индию. Я пришла после обеда, он мыл полы в алтарной. Мы долго беседовали. Я его тоже считаю своим Учителем. У нас с ним кармическая связь[32]. Он говорит, что мы с ним когда-то были монахами в одном монастыре. Он это видит. Что-то случилось в моих тех жизнях, что я ушла с этой стези и переродилась женщиной... В буддизме перерождение женщиной — это не очень хорошо после того, как ты был мужчиной.

Видишь, сколько всего понадобилось, чтобы я вернулась в лоно осознанной веры. Я не бью неистово поклоны, как про меня говорят некоторые. Говорят, что я "ударилась" в буддизм. Это неправда — я сохранила здравый смысл и себя. Сам Будда говорил: "Не верьте мне, все проверяйте на истинность". Я все проверяла на истинность. Жизнь сама мне эти доказательства преподносила. Поэтому сейчас

32. Кармическая связь — это кармические взаимоотношения людей, которые знали друг друга в прошлых жизнях и переживали глубокие эмоции по отношению друг к другу.

я такая уверенная, осознанная буддистка. Культивирую бодхичитту каждый день. Это очень трудно. Много провокаций со всех сторон — сплошная практика терпения. Но это возможно. Буддизм — это атеистическая религия. Без Бога-Творца. Она доказывает, что Богом может стать любой обычный живой человек, развивая природу своей буддовости, но это долгий-долгий путь к себе.

Теперь все относительно хорошо. С верой действительно жить легче, потому что моя вера, как и положено науке, обладает объясняющей силой. Я учусь состраданию. Рядом со мной друзья, родные. Со всеми проблемами справляюсь с их помощью, и не только. Удивительно, но как будто меня стала слышать Вселенная. Под Вселенной я подразумеваю Прибежище».

Послесловие. Нарратив КД и ее путь к вере

КД имеет ученую степень, она много лет преподавала в вузе. Подмечено, что такой социальный опыт — в сфере образования — в целом характерен для участников религиозных общин, которые привыкли занимать активную жизненную позицию, нести ответственность за воспитание молодежи[33]. В рассказе КД много саморефлексии. В этом интервью также важен переход от глубоко личных (даже непроговоренных) воспоминаний к более публичному и «отстраненному» повествованию. В такой постановке вопроса «отстранение» оказывается эффектом отдаления от индивидуальной субъективности: например, от переживания боли к ее вербализации[34]. Друзья и монахи советуют информанту совершить паломническую поездку в Индию, чтобы сохранить себя в трудной жизненной ситуации и обрести новые жизненные смыслы. Индия как родина буддизма и место проживания Далай-ламы XIV остается священным местом в сознании калмыков. В этом проявляется идеология традиционализма, которая «в области религии воссоздает древние вероучительные и ритуальные системы»[35].

33. *Кормина Ж., Штырков С.* «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии. Десекуляризация в постсоветском контексте. Санкт-Петербург, Изд. Дом ВШЭ, 2015. С. 9.

34. *Хамфри К.* Постсоветские трансформации в азиатской части России. Антропологические очерки. М: Наталис, 2010. С. 332.

35. *Штырков С.А.* «Эти три пирога, эта чаша... можно сказать, литургия!»: Интерпретация народной традиции как «внутренняя миссия» Русской православной церкви в Северной Осетии — Алании // Горы и границы. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 297.

На втором плане повествования проявляется религиозная жизнь верующих прихожан хурула «Золотая обитель будды Шакъямуни» — из самой что ни на есть антропологической перспективы, из уст одного из многих верующих. Мы видим, как еще в 2014 г. для общения с Шаджин-ламой[36] было необходимо знание английского или тибетского языков, но собеседница не упоминает калмыцкий язык, который ее роднит с Ринпоче. Этот барьер — язык, на котором учитель общается с паствой, долгое время был внешним, но теперь Шаджин-лама выучил русский язык, и контакт с Учителем теперь не зависит от переводчиков.

Рассказ о паломничестве показывает путь к вере, в котором все идет неординарным образом, и ключевое слово в этом повествовании — «чудеса», чудеса как мера верификации веры. Чудеса (как вера в сверхъестественное) в некоторых дискурсах считались критерием религиозности. И другие паломники также рассказывали мне о «своих» чудесах: кому-то Хамбо-лама Итэгэлов открыл глаза, посмотрел в лицо и кивнул в ответ на просьбу; многие наблюдали полеты четырех-пяти орлов над резиденцией Далай-ламы (ведь орлы не стайные птицы) или одновременное присутствие на небе радуги и солнца. Если секуляризация — постоянный живой процесс переопределения воображаемых границ между секулярным и сакральным в повседневной жизни, а также в сфере политического дискурса и праксиса[37], то вера в чудеса — один из кирпичиков условной границы, которая выделяет *верующих* буддистов от тех, кто воспринимает буддизм только как культурную традицию.

Другая сторона границы, маркирующей *верующих*, — их повседневные практики: утренние и вечерние молитвы с четками, простирания. Интервью показывает и иной габитус паломника: он контролирует свою речь, мысли и поведение, он — человек позитивного действия и мысли, а я добавлю, что он также не имеет вредных привычек, часто вегетарианец. В этом нарративе мы видим, как буддистами становятся: атеистка идет в «ритуальщицы», как она сама себя называет, затем начинает интересоваться буддизмом, становится паломницей и принимает Прибежище.

Перед нами и гендерно окрашенный текст. В женском рассказе КД четко видны границы гендера и власти (знания): учителя и по-

36. Тэло Тулку Ринпоче (Эрдни Омбадыков) родился в Филадельфии и до монастыря жил в калмыцкой семье в США.

37. Asad, T. (2003) *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*, p. 32. Stanford: Stanford University Press.

чти все монахи — мужчины, а паломницы и ученицы — женщины. Женская субъективность рассказчицы выражается в чувстве вины, в глубине страдания, в телесности и в «женском восприятии мира», которое состоит в первую очередь из ощущений цвета, запаха, вкуса[38]. И если, по словам Элен Сиксу, каждый женский текст содержит «хотя бы каплю доброго материнского молока»[39], то в нарративе КД это молоко можно пить большими глотками.

Библиография / References

Бааза-бакши (Б. Менкеджуев) Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши // калм. текст, пер. и прим. А.М. Позднеева. СПб, 1897.

Кормина Ж. Паломники: Этнографические очерки православного номадизма. М: Изд. Дом ВШЭ. 2019.

Кормина Ж., Штырков С. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / Науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб: Изд-во ЕУ в СПб, 2015. С. 7–45.

Лежён Ф. Сто лет борьбы с автобиографией [A hundred years of struggle against autobiography]. // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 110–121.

Марзаева М.Б. Развитие института паломничества в современной буддийской традиции России (на примере республики Калмыкия) // Полевые исследования. 2014. № 2. С. 159–164.

Митруев Б.Л., Воронина Д.К. Первый фотограф Лхасы: публикация дневника О. Норзунова «Три поездки в Лхасу (1898–1901)» (перевод Д.К. Ворониной, комментарии Б.Л. Митруева) // Oriental Studies. 2018. № 6. С. 36–72.

Очирова Б.В. Традиции калмыцких паломничеств в Тибет // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск. 2010. С. 149–152.

Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. СПб: Алетейя, 2001. С. 799–821.

Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. Антропологические очерки. М: Наталис. 2010.

Штырков С.А. «Эти три пирога, эта чаша… можно сказать, литургия!»: Интерпретация народной традиции как «внутренняя миссия» Русской православной церкви в Северной Осетии — Алании // Горы и границы — СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 295–335.

Asad, T. (2003) *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Stanford: Stanford University Press.

Baaza-bakshi (Menkedzhuev, B.) (1897) *Skazanie o khozhdenii v Tibetskuiu stranu maloderbetovskogo Baaza-bakshi* [The Legend of the Small-Derbet Baaza Bakshi Pilgrimage to the Tibetan country]. Per. i primech. A.M. Pozdneeva. SPb.

38. *Сиксу Э.* Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. СПб: Алетейя, 2001. С. 806.

39. Там же. С. 806.

Bernstein, A. (2012) "On Body-Crossing: Inter-body Movement in Eurasian Buddhism", *Ab Imperio* 2: 168–194.

Bernstein, A. (2009) "Pilgrims, Fieldworkers, and Secret Agents: Buryat Buddhologists and the History of an Eurasian Imaginary", *Inner Asia* 11: 23–45.

Humfrey, C. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii. Antropologicheskie ocherki* [Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia. Anthropological Essays]. M: Natalis.

Kormina, Zh. (2019) *Palomniki: Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma*. [Pilgrims: Ethnographic essays of Orthodox nomadism]. M: Izd. Dom VShE.

Kormina Zh., Shtyrkov S. (2015) "Eto nashe iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne det'sia': predystoriia postsovetskoi desekuliarizatsii" [This is our original Russian, and we can't get anywhere from it": the backstory of post-Soviet desecularization], in Zh.V. Kormina, A.A. Panchenko, S.A. Shtyrkov (eds) *Izobretenie religii: desekuliarizatsiia v postsovetskom kontekste* [The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context]. SPb: Izd-vo EU v SPb.

Lezhen, F. (2000) "Sto let bor'by s avtobiografiei" [100 years of Struggle with an Autobiography], *Inostrannaia literatura* 4: 110–121.

Maddrell, A. (2011) "'Praying the Keeills'. Rhythm, meaning and experience on pilgrimage journeys in the Isle of Man", *Landabréfid* 25: 15–29.

Marzaeva, M.B. (2014) "Razvitie instituta palomnichestva v sovremennoi buddiiskoi traditsii Rossii (na primere respubliki Kalmykiia)" [The development of the Pilgrimage institution in the modern Buddhist tradition of Russia (case study of the Republic of Kalmykia)]// *Polevye issledovaniia* [Field Research]. 2014. № 2: 159–164.

Mitruev, B.L., Voronina, D.K. (2018) "Pervyi fotograf Lkhasy: publikatsiia dnevnika O. Norzunova 'Tri poezdki v Lkhasu (1898–1901)'" [The first photographer of Lhasa: publication of the diary of O. Norzunov "Three trips to Lhasa (1898–1901)], *Oriental Studies* 6: 36–72.

Ochirova, B.V. (2010) "Traditsii kalmytskikh palomnichestv v Tibet" [Traditions of Kalmyk Pilgrimages to Tibet], in *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii*, pp. 149–152. Piatigorsk.

Siksu, E. (2001) "Khokhot Meduzy" [Laughter of Meduza], in S. Zherebkin (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniia. Chast' II. Khrestomatiia*, pp. 799–821. SPb: Aleteiia.

Shtyrkov, S.A. (2015) "'Eti tri piroga, eta chasha... mozhno skazat', liturgiia!': Interpretatsiia narodnoi traditsii kak 'vnutrenniaia missiia' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Severnoi Osetii-Alanii" [These three pies, this cup ... we can say, the liturgy!": Interpretation of the folk tradition as the "internal mission" of the Russian Orthodox Church in North Ossetia-Alania], *Gory i granitsy*, pp. 295–335. SPb: MAE RAN.